

Ожившие страницы дневника

... из жизни Климкиной (Еремеевой) Натальи Михайловны

ДЕТИ ВОЙНЫ

*Дети войны... Их так мало осталось.
Тех, кому детства узнать не досталось,
Им не досталось ни книг, ни игрушек,
Счастьем считалась хлеба краюшка.*

*Глазки серьёзны, но нет в них печали,
Дети вопросов не задавали,
Вместе со взрослыми ляжку тянули,
Были знакомы им бомбы и пули.*

*Гул канонады совсем где-то рядом,
Вставшая дыбом земля от снарядов,
Бомбоубежищ глухое молчанье,
Треск пулемётов, сирен завыванье.*

*Письма с фронтов в треугольниках смятых,
Письма дошли, но вот живы ль солдаты?
Женские лица, улыбки забывшие,
Как изваянья из камня, застывшие.*

*Дети войны.
Тех, кто жив, берегите.
Тех, кто не выжил в войну,
Помяните.*

*Дети войны...
/Наталья Пазельская/*

ОЖИВШИЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

Ни один владелец особняка на Рублёвке или роскошной квартиры в центре Москвы не испытал такой радости, какую испытывали мы при переезде из старого дома. Он давно перекопился на все стороны. Рассохшиеся рамы в окне готовы были вывалиться. Как ни затыкали их на зиму тряпками и газетами, они покрывались толстой коркой льда, которую невозможно было отковырнуть даже ножом. Отапливалась комната плитой, в которой вяло и тускло горели торфяные брикеты. За водой нужно было ходить на колонку, вокруг которой выростала ледяная гора от пролитой воды.

И вдруг светлая комната в двухэтажном новом доме на восемь квартир с водопроводом, газом и ванной. Это было настоящим счастьем.

Квартира была коммунальной, в ней жили три семьи. Никогда между соседями не было ссор и скандалов. Двери в комнаты никто не запирали, даже замков не было. Но входить без разрешения к соседям никому не приходило в голову.

У нас за стеной жила семья Климкиных. Спокойный и приветливый Валентин, весёлая и шумная его жена – красавица Наташа и двое их малышей, которых я особенно любила.

Они без усталости носились по большой прихожей, вопили, дрались и мирились. Что-то падало, грохотало, разбивалось и ломалось. Когда терпение мамы заканчивалось, она начинала их воспитывать. Очень громко, я бы сказала. Иногда и шлепками по попкам.

Я так обижалась, как будто наказывали меня. Однажды ворчливо высказала своей маме, что нельзя кричать на детей. Мама посмотрела на двенадцатилетнюю «воспитательницу», серьёзно и строго сказала: «Никогда не смей судить Наташу. Если бы ты знала, что ей пришлось вынести во время войны, ты бы ей в ноги кланялась».

Прошли годы. И вот я убедилась, насколько права была моя мудрая мама.

К 75-летию Победы Администрацией Булатниковского сельского поселения Ленинского района Московской области была издана замечательная книга воспоминаний местных жителей о войне - «Была война и детство было». Инициаторами и составителями книги стали Гладких Л.М. и Климкина Н.Ф. Именно они находили и расспрашивали тех, кто пережил окаянные военные годы.

Передо мной материал, предоставленный внуком Наташи Климкиной. Он приведён полностью без редакторской правки.

Перебирая старые фотографии, открытки, письма, Саша, внук Натальи Михайловны и Валентина Фёдоровича Климкиных, раскрыл старую тетрадь и понял... Это дневник бабушки Наташи о войне. Вот они «ожившие» строки дневника бабушки...

Родилась я в Смоленской области, Семлевский район или Издешковский-Колпитский с/с, деревня Большая Колпита в бедной крестьянской семье. Нас у родителей было 7 человек, трое умерли, а 4 осталось. Жили очень бедно. В 1934 году умирает отец, остается мама с нами... Этот год был очень тяжелым, был сильный голод, ели одну мякину, а похлебка была с льняного семя, от которой нас рвало. Мне было тогда 7,5-ой лет, братьям, Ивану - 6,5-ой и Николаю - 4 года, а сестре, Евдокии - 1,3 месяца. Мама овдовела почти в 30 лет.

Вот и началась моя жизнь тяжелая..., Оставляли меня дома смотреть за детьми, а мама с тетей уходили на работу. Тетя, отца сестра, помогала растить нас маме. Работать пошли с братом Иваном очень рано, было мне 9 лет. Меня и брата тетя учила лен брать, а мама работала на ферме дояркой. И вот мы, после учебы, целое лето работали с братом в колхозе, зарабатывали сотки, а потом мне стали писать трудодни. Мало, что работали в поле, но и домашняя работа была распределена каждому и все это мы делали. Исполнилось мне 13 лет, стала возить сено в заготовку за 25 километров и так каждое лето из года в год, до учебы не приходилось и отдохнуть.

Мне не было и 15-ти. когда по радио сказали, что началась война. На следующий день всех мужчин стали забирать на фронт, а женщин окопы рыть, и маму нашу, Марию Ионовну Еремееву, тоже. И осталась я с детьми дома на хозяйстве. Тети у нас уже не было, она умерла до войны.

Мама рыла окопы в 40 –ка километрах от дома. Потом ее отпустили домой. Мы очень обрадовались, что мама наша пришла живая. Даже не то слово, что она вернулась, поскольку уже бомбили Сафоново и мы думали, что больше ее не увидим.

Когда мама пришла, теперь уже взяли меня рыть окопы и траншеи. Взяли почти всю нашу молодежь из деревни. И вот мы поехали. Несколько подвод. На каждой подводе по четыре человека. Здесь уже мама плакала обо мне. Ехали почти к фронту.

Запомнилось навсегда всё происходящее.

... Едим мы, а военные говорят: «Куда вы едете! Вертайтесь назад», но старший над нами сказал: «Едем, куда нам велено».

По дороге разбила голову колесом и было у меня сотрясение, так всю дорогу и лежала. Меня тошнило.

Приехали на реку Угра. Остановились в лесу и там спали несколько дней. Потом приехал к нам начальник в военной форме, звание я не помню и говорит: «Езжайте домой. Немец наступает, а то как бы вас здесь не застал, всех уничтожит». И мы выехали в ночь домой...

Когда я вернулась, то маму направили гнать скотину колхозную в тыл. Мама уехала с братьями и сестрой, а меня снова оставила на хозяйстве. Мы только обзавелись хозяйством за четыре года до войны и все на мне оставили.

Через несколько дней фронт подошёл вплотную к нашим домам. Я думала и не выживу, то и дело начиналась бомбежка. И вот я несовершеннолетняя убирала скотину, корову доила и отдавала молоко раненым военным. Их отправляли с фронта в Москву. Их бывало напою и от них получаю благодарность. И я была настолько счастливая, что раненых напоила.

Потом мама вернулась домой с Юхнова, поскольку начальство спросило: «Сколько у вас детей? А четвертый где и сколько ему лет?». Они приехали все худые, грязные. Я думала, что они не выживут, но как говорится, дома не в людях.

Теперь меня посылали каждый день на работу: вокруг деревни то траншеи, то окопы рыть, то берега у реки срезать....

Не прошло и двух недель после нашего возвращения, как в деревню пришли немцы, от которых не было ни днем, ни ночью покоя. И пошла наша жизнь в слезах и в печали...

Мама даже не открывала, когда они появились у нас ночью. Потом она открыла и ее начали бить, а я с сестренкой была на дворе, темно, она кричит, а у меня сверлит мозг: наверное маму убили. И я боюсь идти. Вдруг открывается дверь во двор и нас осветил фонарик, думаю: «...ну всё. Сейчас начнут и меня казнить». Но потом я заметила маму, она стояла вся в слезах и братишка, Коля, прижавшись к ней, а другой брат, Ваня, сбежал к соседке.

После всего пришли в избу и забрались на печь все вчетвером и мама долго плакала, а мы ее уговаривали, и сами плакали. Она плакала насчет брата, где он будет и куда убежал? Но рано утром он прибежал домой и мы все лежали на печи, пока немец не сказал: «Матка, киндер хочет есть, слезайте и кормите детей». Боялись и долго не могли слезть с печи, пока не пришла наша родственница, тогда мы только слезли.

В деревне немцы долго не стояли. Деревню нашу часто бомбили и поэтому немцы боялись. Но бывало, смотришь, появлялись и наши, мы тогда очень радовались. И у нас был день радостной жизни, как выход из под земли.

Помню ещё один случай. В деревне ещё не было немцев. Мы знали, что немцы под Москвой... И мы с одной девушкой отвозили раненых за 20 километров в деревню Новое Верегино, там был военный госпиталь. И вот помню:

...Только мы заехали за деревню, мамочки, спускается немецкий самолет и начинает по нам строчить. Мы далеко были от поселка и наши кони подхватили нас и понесли с испугу, только успели друг за друга ухватиться, а которые тяжело раненые лежали и стонали. И нас спас лес, если бы не лес, то он всех бы поубивал...

И так мы несколько раз переходили из рук в руки. И когда приходили наши мы всей деревней помогали военным, ночами возили сено их лошадям, мололи рожь и пекли хлеба, все время были заняты работой для военных.

Запомнилась мне зима 1942 года, но точно не помню год, но все же думаю 1942 год. Стояла у нас конница Белова. Говорили что у нас стоял сам Белов. У него была лошадь, звали Тарус. Но мы его никогда не видели, потому что они всегда совещались, когда деревня уже спала. Только помню, у нас стоял комиссар, фамилию не помню, и он всегда приходил в 2-3 часа ночи и только коновод и повар Колесников спросят у него что – то шепотом и все; и на том заканчивается разговор. И так изо дня в день.

По ночам мы долбили землю, морозы были сильные и через каждые 2 часа ходили греться.

Мне тогда было 16 лет, когда, после того, как конница уехала, пришли немцы. Всю молодежь угнали в Темский район, а кто из молодежи сопротивлялся, того били нагайкой и поэтому мы все были под страхом. И вот нас всех погнали на станцию Семлево. Там нас посадили в холодные вагоны и повезли, мы даже не знали куда. Закрыли в этих вагонах. И сидел с нами молодой охранник с ружьем. Морозы в январе были очень холодные до 40 градусов. Нас везли трое суток. Мы все замерзли, прижались друг к дружке. Привезли, как сейчас помню, в старый разъезд Карново. Мы даже не могли встать на ноги.

Из вагонов вышли и вдруг наш самолет летит. Мы так обрадовались и в тоже время страх нас одолел, когда немцы начали по нему палить из зениток. Но наш самолет все же сбросил несколько бомб и мы очутились в кольце этого происшествия. Самолет улетел и мы были рады, что его не сбили. Мы радовались между собой тихо, чтобы немцы не заметили. Они могли в этот момент нас расстрелять, поскольку он им нанес вред. Разбомбил их склад, точно не помню, но что-то ещё горело и все немцы бегали и кричали.

После нападения самолёта нас собрали и погнали пешком в деревню. Я уже не могла идти, у меня не было сил. Ночевать по пути определяли в дома. Поставили нас в одну хату 5 девчонок. Мы очень обрадовались, что хотя бы тепло. Но хозяин был очень злой, но сама хозяйка добрая. Мы спали у них на полу, как солдаты: шинель под голову, под бок и накрыться ей так. Под утро была такая холодина, что все простывали. Утром в избу заходит немец, поднимает в 6 часов утра и гонит нас за едой. Еда была пустая. Наварят из проса и 1,5 половника жидкого супа дадут без хлеба, и гонят 5-10 километров пешком под конвоем на работу. Вот где твои кишки голодные, холодные на 40 градусном морозе кричат. И так изо дня в день. Придешь в 4 часа, это не то слово, приползешь и идешь за едой, опять эта баланда без хлеба. А вечером в 6-7 часов ужин: чай, двести грамм и тех нет хлеба и 15 грамм масла сливочного иногда. И до того дожили, что не было силы ходить. А я особенно что-то ослабела, бывало хозяйка скажет: «Девочки лезьте на печь пока нет хозяина». Он не разрешал на печь ложиться, а то сломается от нас.

Через некоторое время нас перегнали за 15 километров от этой деревни в поле. Там были в земле вырыты ямы и потолок - настил из маленьких деревцев, туда нас и загнали. Немцы их называли «бункера». Вот этот бункер делился на четыре части: посередине стояла сложенная плита, которая топилась сырыми дровами и давала ядовитый дым. В два яруса были палаты без всяких постелей и подушек. Охранял нас часовой. Когда пригоняли нас с работы в эти холодные казармы с холода, голодные мы залезали на эти нары и прижимались друг к дружке, 15 - 16-е дети, и плакали. Мы даже бастовали, чтобы не ходить на работу. И тогда немцы даже этой баланды не давали поесть, и вот целый день голодные лежали на нарах. В этот период я и ослепла, и не видела белого света. Девчонки меня выводили под руки на улицу в туалет. Когда пришел переводчик с немцами, все стали кричать и плакать, но я не плакала, поскольку у меня были закрыты глаза. Я их не могла даже открыть, но зато у меня плакало сердце детское. После этого через неделю нас перевели от этого места ближе к фронтовой полосе, но идти я не могла, меня вели под руки девочки. Нас поселили к одной вдове. Она нас встретила так тепло, что меня и девчат посадили на печь, где я смогла отогреться, но спали также на полу. И вот нас решили искупать в бане. Погнали нас прямо с боем. Разделись мы, а холод такой, что застучали зубами, даже ноги пристывали к холодному полу, ели отрывали, когда польешь теплой водой. После этого все простыли. Я не знаю, что хотели сделать с нами, поскольку старший немец по званию унтер говорил: «Что хотели увезти нас прямо в Германию». Но потом вдруг нас распустили домой.

До дома было 70 километров, и мы пошли пешком. Большие пальцы на ноге у меня были отморожены, а на правой руке два пальца даже не гнулись, вся изнуренная. Валенки на ногах были разорваны и по такому холоду мы так и шли в такой обуви. Мы шли 3 месяца, и осталось до дома пройти 12 километров. А я уже не могла идти, но кое-как прошла 10 километров. Со мной были две девчонки Поля и Маня из нашей деревни. Они помогали мне идти. Пришли мы в деревню Максименка, от которой осталось 2 километра до нашей деревни. Я не могла идти. Наказала девчонкам, чтобы пришли встретить меня братья, хотя они были моложе меня и также слабыми, поскольку уже голодали. У них не было хлеба чистого, а трава да горсть муки. Наконец пришли братья, меня увидели и заплакали от радости и страха как я выглядела. Взяли они меня под руки и повели до дома. А у меня уже не шли ноги и братишки говорят: «Но немножко осталось». И эти 2 километра шли мы 4 часа. Все меня встретили и расплакались. Очень я была худа: одни глаза торчали и нос. Пришла домой, а поесть нечего: хлеб был - больше травы, чем муки, и серая капуста и та без мяса, и масло. Села есть. Немного поела и боялась, чтобы не было заворот кишок. После этого два дня побыла дома и спрятались в окопах.

Через 2 недели немцы стали отступать, и мы молодежь стали прятаться. Нам сообщили, что увозят всю молодежь. Гонят с собой. Мы утром рано, не знаю, сколько нас было, в 4-5 часов утра, убежали в окопы за деревню. Нас нашел полицай, и нас было тогда в том окопе 28 человек. Тогда он подошел к окопам и стал кричать: «Давай вылезай!» Из нас никто не вышел. «Буду стрелять!» - мы не с места. Но когда он сказал, что кинет гранату, тогда мы вылезли из окопа. И вот что мы увидели: ... Весь народ согнали, а вокруг полицай...

Когда он пригнал нас, старший среди них говорит: «Сейчас гадов побьем». Наша мама закричала: «Не надо!». Он толкнул её в грудь, подошел к нам и начал бить мужчину, а я ему говорю:

«За что вы его бьете?» А он ему говорит: «Это ты их подговорил». И тут я не удержалась и сказала: «Это не он. Мы сами». «От кого вы прячетесь?» - я говорю, - «От немца». Он ударил меня два раза по лицу и один раз под зад ногой. Женщины закричали: «Не надо, замолчи». Но мне было все безразлично и такое зло взяло. Была бы моя воля, я его бы убила и рука не дрогнула. Маму оставили с детьми, спросили: «Сколько ей лет?» - она сказала, - «56 лет», и ребятам уменьшила. Ее оставили, а нас погнали. Очень плакали мои братишки и мама. Я не могу передать, как она кричала. Я только ей сказала: «Мама не плачь, я одинокая, но у тебя еще трое и они маленькие. Береги их и себя. Если будет возможность убегу». (это место я не могу писать без слез, так было тяжело, что не опишешь. Это надо прочувствовать и понять). Вот нас погнали, и мама долго смотрела в след и я ей махала рукой.

Отогнали от дома почти на 6 километров и мы захотели в туалет, и нам разрешили. Женщины говорят: «Оставайся Наташа. Здесь недалеко была холодная постройка» - но я им говорю, - «Давайте вы. Вы все же постарше», а сама думаю: он следит за нами, и не дай Бог я останусь, он меня прибьет на месте.

Ночь нас застала от дома за 8 километров, там мы переночевали и утром нас погнали как скотину. Были женщины, мамы с детьми, старые, больные, всех гнали. Кто не мог идти, тех на месте оставляли, а нас гнали дальше. Пурга в дороге застала – холод. Дети маленькие плачут, замерзли и есть хотят. Девочка лет 7 говорит своей бабушке: «Бабушка, миленькая, как у меня замерзли ручки. И ножки мои не могут идти». Гнали пешком и вот дали отдохнуть. В поле негде укрыться, метель бушует вовсю. От дома нас уже отогнали на 30 километров. Вечером пригнали в деревню Болдино. Там большой монастырь весь был забит людьми. Нас поставили в хату, 30 человек с детьми и без детей, и охранял нас полицай. И вот на рассвете наши люди стали при первой возможности убегать. Я проснулась и, не раздумывая, быстро собралась. Со мной была небольшая котомка. Я её одела на плечи и галоши взяла в руки. И только хотела шагнуть за дверь, как проснулся полицай и говорит «Ты куда?» Хорошо соседняя бабушка сказала: «Она в соседнюю хату, здесь тесно». Если бы она сказала, что убегаю, он мне бы выстрелил в спину, в это время у него была винтовка в руках.

Не помню, как я выскочила за порог и не знаю в какую сторону идти - кругом патруль. И я решила пойти полем в обратную сторону. И когда в поле вышла, а снегу выше колен, и я стала креститься на все четыре стороны и говорю: «Или голова в кустах, или грудь в крестах», и сама не знаю, почему я так сказала; или у меня был сильный страх, поскольку не знала куда идти и боялась, как - бы не попасть на глаза патрулям. Шла всё по снегу. Вдруг я увидела движущиеся мотоциклы по дороге, Я упала на снег, как черная ворона, поскольку на мне была шуба черная и не было у меня ничего белого, чтобы укрыться. Лежала, пока гул затихать стал, и все читала живые помощи, как говориться – просила Бога, чтобы защитил.

Потом поднялась, и вдруг вижу своих женщин деревенских, они от меня были метров 200. Когда я их догнала, они начали меня ругать, но потом сказали: «Идем с нами». Они все были старше меня лет на десять и на восемь, кроме одной, которая была на два года постарше меня. Так мы шли впятером. И вот идем по дороге и вдруг видим машину немецкую. Мы все испугались, думали в машине сидят немцы, но их некого не было. Мы очень обрадовались и прибавили шаг.

Так мы добрались до первой деревни после своего ночлега. И я устала идти и села на завалинку у крайнего дома. По деревни мы не пошли, поскольку были немцы, и мы решили взять правей своей дороги и идти лесом, где нет немцев. Вот сели мы с Нюшей, так звали девушку, и вдруг открывается дверь и выходит полицай. Подходит к нам и говорит: «Откуда убежали?» - а я говорю, - «Из Доргобуши» - он отвечает, - «Не правда. Я вчера шел с вами рядом» - мы говорим, - «Вы обознались». И он начал нас приглашать в дом, но мы говорим: «Идите. Мы сейчас зайдем к вам». Он ушёл. Мы бегом от этого дома и стали догонять своих женщин.

Так мы шли все в цепь по снегу и добрались до маленькой деревушки, и стали проситься на ночлег. Нам открыли и оставили ночевать. Накормили чем могли. Утром рано опять мы отправились в дорогу и решили выйти на свою дорогу, которая идет к дому. Но не знаю, сколько мы прошли. Хорошо помню деревню Дыхлово. Только прошли деревню, и вдруг видим издали

немцев, оказался карательный отряд. И когда мы свернули на другую дорогу, они заметили нас и открыли огонь. Хорошо был недалеко перелесок березовый. Мы в этот лесок забежали, только пули визжали, когда они стреляли по нам. И мы через каждую березку перебежали по самую шею в снегу, но все же бежали, и моя котомка не давала ходу мне. Она стала такой тяжелой, что я с ней застревала в снегу.

Но все же мы выскочили из этого леса в деревню Сомское. А там жители повыскакивали из хат и говорят: «Это по вам стреляли?» - мы говорим, - «Да». Они просят нас: «Уходите побыстрей, а то вдруг за вами погоня, и нас всех вместе с вами погонят или расстреляют».

Мы скатились быстренько под гору и опять пошли в цепь по снегу, и никак нам не пришлось выйти на свою дорогу. Так шли мы полем да лесом. И вот до чего я выбилась из сил, что падала, но котомку свою не бросала. Там были мои платья и килограмм муки. Я их несла домой, чтобы прибавлять к траве, есть нечего было, хотя мне старшие говорили: «Брось», но я никак не могла. Они свои вещи побросали, поскольку у них дома было кой чего поесть. И вот полежу и начинаю догонять их. Догоню и снова падаю, и так километров шесть.

И когда мы дошли до деревни Ботино, то вошли в хату и решили отдохнуть. Я даже не заметила, откуда появился дедушка и говорит: «Дети, бегайте в лес, гонят народ и верхами едут немцы». Мы выскочили из хаты и метнулись в лес. Лес рядом с деревней. Мы напали на тропинку, куда ушел их деревенский народ. А там были девочки, парнишки, с которыми я училась вместе. Вот эта тропинка и привела нас прямо к ним. Они сидели в самой глубине леса. Горел костер и они все вокруг него, день был солнечный, и когда мы подошли, то поздоровались. Меня встретили мои одноклассники и удивились моему лицу - я была вся черная от усталости, и худенькая. Когда меня посадили ближе к костру и глянули на мои ноги, то все увидели, что они босые. Но я не чувствовала ничего, пока прошли 80 километров туда и обратно. Вся подошва в моих бурках разбилась, только остался верх, и я уснула у костра. Сколько я спала - не знаю. Меня разбудили женщины, говорят: «Пошли домой». Но до дома еще восемь километров идти, и мы так и шли все - лесом, полем. И безо всякой дороги прошли пять километров.

Стало темнеть и мы подошли к деревне Деево, и не знаем, есть там немцы или нет. Мы решили пройти деревню вперебежку - от холодной постройки до хат. В это время вышла женщина и испугалась, видит кто-то крадется. Мы её окликнули и спросили, есть ли немцы в деревне? Она остановилась и сказала: «Нет никого». У одной из нас была сестра в этой деревне и мы решили зайти отдохнуть. Когда мы стали стучать, вышла ее свекровь, тихо спрашивает, кто мы? Нюша ей говорит: «Сваха, это я», и она быстро открыла нам дверь и мы вошли. Горел небольшой огонек. Внучку она перед этим посадила под печь, а сноху под пол, и когда мы разделись, они стали вылезать. Посидели, поужинали, чем они могли накормить, и мы отправились в дорогу. Но я не могла идти, а еще три километра до нашей деревни. И вот они идут впереди, а я позади, и мне кажется, что сзади немец давит на лошади и сейчас догонит, думала мое юношеское сердце разорвется. Меня всю трясло, поскольку я ослабла, и нет мочи идти. Даже плакала, но чтобы они не видели моих слез. Все меня подбадривали - давай, давай, вот уже деревня видна.

Пришли в нашу деревню и боимся идти, поскольку наша деревня была всегда на ходу. На краю жила моя двоюродная сестра, и к ней мы постучали. Она говорит: « Не знаю. Днем ни кого не было, что будет в ночь не знаю». И хотела меня оставить у себя. Но я не согласилась. Думаю - пойду домой, поскольку хозяин пришел с дочерью и маме сказал, что я тоже убежала. И вот мы решили с этой девушкой пойти через Корякин луг. Вошли на улицу, называлась Таркой, и видим - кто-то ходит. Спрятались за холодную постройку и высматриваем. Видим, что это женщина, этой девушки мама. Она кинулась к нам и говорит: «Нет никого». Но я боялась, поскольку у них дом пятистенка, и у них нет-нет и заходили и задерживались немцы. Я подошла к их дому и стала стучать в дверь. Никто не открыл. В то время болен был их сынишка Коля - он плакал, из-за плача не было слышно. Тогда я решила подойти к окну и постучать. И когда тетя Соня подняла занавеску, то отпрянула - не узнала меня. И я ей кричу: «Откройте, это Наташа!». Когда я вошла в хату, то тетя Соня говорит: «На кого ты похожа? Вся черная, измученная», и заплакала. И здесь все повыскакивали ко мне, и мама бросилась на шею и братишки с сестренкой обступили меня. Мама

долго не могла успокоиться - все плакала. Я ей говорю: «Видите, я же живая вернулась». У них была кукуруза напаренная, и мне братишки говорят: «Садись, поешь. Мы ведь богатые». Я здесь не выдержала и заплакала. Думаю – Господи, дети рады, что дали им кукурузу, початки или зерна, я не знаю, что у них было тогда. Я говорю Маме: «Мама, развяжи мешочек и возьми мучицу». У них заблестели глаза, когда увидели муку. Я думаю про себя – какую радость доставила им домой, вернулась и принесла еду, не бросила, как мне тяжело не было.

В доме мы не остались. Две недели все укрывались в окопах. Потом вдруг видим, что бегут немцы, как сумасшедшие. Вся деревня спряталась в окопах, боялись, как бы не расстреляли. Мама была на одной стороне с ребятами, а я на своем пожарище в окопе с соседкой. И вот ночью мама пришла и говорит: «Идем туда, где мы все». Но я не пошла, осталась в своём окопе. Я боялась, что народу там много и туда придут немцы, и снова нас погонят.

Ночь, темно в окопе, и я решила выглянуть на улицу. Вижу, все красным – красно. Немцы на ходу поджигали дома и такая стояла трескотня. Все вокруг горело. И так стало страшно, что это не опишешь. Никто во-первых не плакал, несмотря, что остаемся без крова и никто не вылез из окоп, поскольку немцы бегали как угорелые. Лошади застревали с орудием – снег уже был талый. Орала как резаные на своих лошадей и поэтому все ещё глубже прятались в окопе.

Когда стало тихо в деревне, побежали люди к своим хатам, но они уже догорали. Все так и остались в окопах.

Под утро вдруг раздался выстрел из дальнбойного орудия такой силы, что окоп даже в сторону покосился и пулеметы забили. Я говорю своей соседке: «Это бьют наши». Она даже перекрестилась и говорит: «Слава Богу. Наконец слышим свои орудия». И вот ранним утром на другой улице слышим плач. Я говорю: «Тетка Полионария, опять беда», а она говорит: «Вы сидите, я пойду, узнаю».

И вот она бежит обратно, говорит: «Это наши разведчики». Но поскольку мы были так напуганы, что даже боялись выходить. Потом вышли и побежали туда, где весь народ. Наши бойцы стали всех нас целовать, слез было море от радости, как увидели своих. Они даже удивились, когда увидели несколько девушек, говорят: «Как вам удалось остаться дома?» Мы показали, что вот эту угоняли, вон ту и так далее. Тогда они начали нас спрашивать, и мы сказали: «Убежали». Они стали нам руки жать и обнимать, говорят: «Какие вы молодцы».

И снова началась наша трудовая деятельность – колхозная работа. Жили мы на пожарищах. Потом нас выселили из деревни в поле, поскольку была запретная зона. И вот мы как кроты рыли ямы и вбивали колья по бокам и строили шалаши, чем могли, тем и покрывали. А в деревню нас не пускали, только с разрешением военного начальства, чтобы посеять или посадить картошку, у кого чего было.

Нас в шалаше жило по пять и шесть человек, двоюродного брата семья. Спали по трое. Одевались всякими дерюжками, а когда идёт дождь, то все заливает. Когда солнышко взойдет и начнет пригревать, мы все выходим сушиться. И вот здесь начался у нас сильный голод и холод. Ели сначала щавель, вернее щи не соленные, без всего и пекли лепешки, как у нас их называли - мох перемешан с осотом. Пекли на железной печке - их кладешь, они ползут, и когда теплые лепешки жуешь, они не проходят - стоят в горле, водой сырой запиваем, только тогда проходят. Сестренка, Дуся, бывало пойдет за травой, не знаю, как ее называют в натуре, но у нас называли козелиц – это длинные стебли и сверху мелкие как кашка, вернее щавель, козы листочки – узкие и кисленькие. Вот его оскубеем и парим в чугуне. И получается – зернышко к зернышку, а потом вздутие живота.

После этой пищи идем пахать, человек семь – восемь и тянем плуг на себя, качает из стороны в сторону, а годы детские, мне было тогда 16,5 лет. Вот приду домой после этой пахоты, еда та же, и стало у нас много людей опухать после еды.

И вот в это время пришел председатель и говорит: «Надо несколько девушек для прачечного отряда». Мы с подружкой добровольно согласились пойти в армию, там мы приняли присягу – это

было в конце мая 1943 года. Наша основная работа была стирать белье для военных. В шесть часов утра подъем и с противогоазом ходим целый час в строю. В семь часов завтрак и под навес стирать белье. Норма была 120 штук и два куса мыла хозяйственного. Наше дело было отстирать обошлого, ворот, вернее всё, где чёрные складки, стирать до чистоты. Другие кипятили. Третьи полоскали. В общем все занимались своими деталями. Но, кто стирал, тем тяжелее всего, стояли целый день на ногах, только пообедаем и снова до заката солнца. Мы жили в сараях, от дома 20 километров. Домой, то только по увольнительной, если отпустит капитан. И вот к нам с подружкой пришли как-то мамы. Когда я посмотрела на них, то мы с подружкой так плакали, что не могли нас успокоить, пока сами не успокоились. За эти дни, пока работала в прачечном отряде, я сшила мешочек и собирала свой паек: сухарики и песочек, и всё это отдала матери.

Закончив работу в прачечном отряде, мы пришла домой. Я увидела, что мама уже не вставала, сидела вся опухшая. Братишки и сестренка говорят: «Мы так были рады за твои гостинцы. Мы хотя сладенькой воды попили с травой, из которой пекли лепешки».

Дома не знала за что братья и чем помочь своей маме, поскольку в деревне начался сильный голод. Многие стали помирать, пока меня не было дома. Бабушка, которая с нами жила, умерла с голоду, а братья и сестрёнка не видели. Когда проснулись, она уже была мертвая.

И вот тогда еще сильней начались мои заботы. У мамы не стала проходить вода, и она ночью говорила своей племяннице, поскольку она была мать четырех детей, в чём её похоронить. Вот тогда мы все закричали: «Мамочка, милая, не умирай».

Дождались утра и тетя Настя пошла к военным просить лошадь, чтобы отвезти ее в больницу. Они дали. Поехала мама со своими женщинами. Их положили в больницу, поскольку у них была дизентерия, а ее не положили. И вот она оттуда ехала вдвоем с девушкой из другой деревни и их растрепала лошадь. Мама упала и так лежала до тех пор, пока её не увидела, шедшая мимо врач, которая ее принимала. Подошла к ней. Она лежит кверху животом и глаза закрытые. Она к ней наклонилась - пульс бьется. Мимо ехал мужчина на лошади. Врач спросила: «Куда вы едете?». Узнав, что это по дороге к нашей деревне, попросила: «Вот возьмите эту больную и завезите ее по пути к дому, вернее к шалашам».

Когда ее подвезли, то спрашивают: «Кто дома есть?». Мы выскочили, смотрим мама лежит. Мы очень закричали, но мужчина ответил: «Она еще жива». Принесли ее в шалаш и положили на доски, на которых мы спали. И вот она запросила чистого хлеба, но у нас ни у кого не было.

Тогда я послала брата Ваню в деревню Высокое, там, говорят, поспела рожь. И вот он бедненький побежал, хотя у самого не было сил. Ему там дала тетя Даша полковриги и он нес всю дорогу, и не откусил и грамма, не смотря на то, что сам есть хотел, только думал как спасти Маму.

Когда он принес и показал ей, то она как схватила и потянула ко рту. Насилу ковригу у нее отняла тетя Настя. После этого я давала ей по кусочку через некоторое время. И когда к ней подносили кусочки хлеба, она хватала как людоед, ни на кого не обращая внимания. Для нее было все безразлично. Она была вся опухшая: лицо было все как воздухом накаченное, живот был огромный, ходить она могла. И вот к вечеру она съела этот хлеб и погрузилась в забытье. Мы думали, что она умерла и стали плакать. Через некоторое время мама открыла глаза и говорит: «Дети, что вы плачете, все вы живы».

И вот она с этого хлеба, или сама по себе, пришла в сознание, но врач сказал ей, что нужно чистого хлеба поесть и помидор, а где их было взять. В этот период заболевает младший брат, Коля, – у него дизентерия. Отвозим в больницу. Высох, как дети в концлагере, такой и он был у нас и мы чуть получше. Сколько можно сидеть на одной траве и той несоленой.

Когда поспела у нас рожь, мы стали ее жать. И вот, бывало, нажму, высушу, и делаю кисель ржаной, и утром рано бегу в больницу к брату. Пять километров туда и обратно, всего десять и всю дорогу бегом, а у самой мухи летают в глазах, и всю дорогу плачу, думаю, живой он или нет. Подбегаю к больнице, он стоит у окна и ждет меня, и плачет: – «Я думал, что ты не придешь».

Вот покормлю его этим киселем и обратно, поскольку в больнице тоже было плохо: еды было кое-чего и то не всегда.

Прибегу домой, накормлю маму и иду на работу колхозную – жать рожь, вот мое детство. На себе рожь возили, запрягались в фуры по несколько человек. Тащим на себе – подростки вместо лошадей. Мешки с рожью поднимать станем, нет у нас сил, и все равно поднимаем пока не положим на повозку и по новой, запряжёмся и везём в амбары. Такая наша жизнь была в то время...

...На это заканчиваю писать. Не вижу строки от слёз, а сказать много что есть о своей жизни.